

- Romanov K.K. St. George's Cathedral in the City of Yuryev-Polsky (a Brief Report on Exploration in the Autumn of 1909). *Izvestija imperatorskoj arheologicheskoj komissii (News of the Imperial Archaeological Commission)*, № 26, *Voprosy restavratsii (Issues of Restoration)*, Issue 6. Saint Petersburg, Tipografiia Glavnogo upravleniia udelov Publ., 1910, pp. 70–93 (in Russian).
- Stoletov A.V. St. George's Cathedral in the City of Yuriev-Polsky of the 13th Century and its Reconstruction. *Iz istorii restavratsii pamiatnikov kul'tury (From the History of the Restoration of Cultural Monuments)*. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1974, pp. 111–134 (in Russian).
- Tolstoi I.I., Kondakov N.P. *Russkie drevnosti v pamiatnikakh iskusstva. Vyp. VI: Pamiatniki Vladimira, Novgoroda i Pskova (Russian Antiquities in the Monuments of Art. Issue 6: Monuments of Vladimir, Novgorod and Pskov)*. Saint Petersburg, Tip. ministerstva putei soobshcheniia Publ., 1899, 186, VIII p. (in Russian).
- Vagner G.K. *Skul'ptura Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi. G. Iur'ev-Pol'skoi (Sculpture of Vladimir-Suzdal Russia. Yuryev-Polsky)*. Moscow, Nauka Publ., 1964, 187 p. (in Russian).

К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской торевтики

© 2019

УДК 7.03:7.023.1-034"13/14"

ББК 85.125(2)

С79

Поступила в редакцию 01.03.2019

А был ли такой период? — подумает наш читатель. Действительно, исследователи древнерусского золотого и серебряного дела хоть и упоминали «период татаро-монгольского ига», но в основном как пограничный, не имеющий собственного художественного лица, как некую «переломную эпоху» между культурой домонгольской и Московской Руси, сохранившую, несмотря на все трудности, «национальные формы и традиции».

В советский период такая позиция была связана с идеологическим давлением, которое испытывала отечественная наука, изучавшая историю и культуру Джучиева Улуса, или Золотой Орды. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» исследование Золотой Орды прямо квалифицировалось как «ошибка националистического характера». В результате многие ученые второй половины XX в. были вынуждены рассматривать Улус Джучи «как политическое явление, чье существование наносит ущерб русскому народу», замедляя его прогрессивное развитие [Усманов, 2013. С. 10–11]. Эти же взгляды должны были разделять и историки древнерусского искусства [Ремпель, 1971; Николаева, 1976], которым было необходимо сосредоточиться на пробуждении в этот период «интереса к собиранию и возрождения памятников былого величий Русской земли». Русские мастера, конечно, перенимали «передовые художественные приемы», но «всегда умели переработать заимствованные черты... и сохранить чистоту стиля». Такое «творческое отношение» способствовало «созданию типично национальных форм». Если в этот период и существовали какие-то культурные ориентиры, помимо домонгольского «национального наследия», то это была Византия, отход от которой привел к усилению в искусстве Русских земель «элементов народного и национального» [Николаева, 1976. С. 9]. Восточные орнаменты или надписи в памятниках древнерусского золотого и серебряного дела относили к «ордынскому транзиту» (термин А.Л. Якобсона) или к влиянию исламских форм декорации, принесенных на Русь с сербской эмиграцией (А.В. Рындина).

Характерно, что даже в первом фундаментальном исследовании, посвященном золотоордынским влияниям в древнерусской сакральной торевтике конца XIV — начала XV в., они прямо не назывались золотоордынскими [Орлова, 1997]. Восточные орнаменты в золотой басме трактовались как сделанные по привозным матрицам. Справедливо указывалось на «существование художественной среды с известным вниманием, вкусом к такого рода узорам», но конкретно эта среда не называется, а подобная мода расценивалась как следствие «непосредственных взаимодействий, прямых контактов» с «искусством Востока» в целом [Орлова, 1997. С. 163, 164, 166]. Так в «ордынском» периоде истории русского искусства странным образом отсутствовали сами ордынцы.

Изменения политического и идеологического контекста последних десятилетий, публикации трудов зарубежных исследователей [Вернадский, 1997] помогли преодолеть старые стереотипы, изучать Золотую Орду с позиций ее собственной цивилизационной модели [Золотая Орда, 2016], говорить о долговременном последствии монгольского завоевания для Руси, о сильном ордынском влиянии в сфере политического сознания и государственного строительства [Горский, 2016] и, при враждебном характере взаимоотношения на политическом и идеологическом уровнях, даже об определенном «русско-татарском культурном синтезе, продолжавшем древнюю традицию славяно-тюркских контактов». [Долгов, 2017. С. 378].

Обзор многочисленных исторических и культурологических публикаций, появившихся в XXI столетии, в наши задачи не входит. Мы остановимся на положении дел в изучении древнерусской торевтики XIV — первой трети XV в. Именно этот вид искусства занимает одно из важнейших мест в культуре той эпохи, к тому же общепризнанно, что металлические изделия наряду с узорчатыми тканями были важнейшими художественными медиаторами. Но прежде упомянем две важные для нас работы последних лет. Методике археологического изучения вклада мусульманского мира в становление культуры Московской Руси посвящено исследование Л.А. Беляева [Беляев, 2016, с библиографией], конкретным истокам декоративных мотивов в ее архитектуре — А.Л. Баталова [Баталов, 2018]. Особенно важен для нас следующий вывод: иконография и пластика ранней белокаменной резьбы Московской Руси предполагают участие резчиков, хорошо знакомых с техникой и стилистикой подобной резьбы [Баталов, 2018. С. 159]. И в торевтике повторение принципиально новых образцов было бы невозможным без владения технологией ремесла, то есть без участия самих носителей этой технологии.

Историки искусства-востоковеды, прежде всего М.Г. Крамаровский¹, последовательно рассматривающий Золотую Орду как особую цивилизацию, позволившую установить технологический и культурный обмен между различными народами и государствами, с 1990-х гг. прослеживают золотоордынские влияния в памятниках древнерусского золотого и серебряного дела и подчеркивают, что они были вызваны живыми контактами Руси с ремесленниками

1 Список трудов Крамаровского см.: [От Онона к Темзе, 2013. С. 547–567].

Поволжья и Крыма. Столь же последовательно эту позицию опровергает Н.В. Жилина [Жилина, 2003; Она же, 2016], взявшая на себя роль защитника «самостоятельного синтеза» «русских орнаментальных традиций», которые «начали формироваться еще в домонгольской Руси или были восприняты из Византии». Под сомнения ставятся позиции, казалось бы, прочно утвердившиеся в науке: «Предметы, приобретенные или подаренные в процессе дипломатических отношений [с Золотой Ордой], не влияли на общий характер русского царского, княжеского или боярского костюма. Заимствования в одежде отмечены или предполагаются в домашнем платье или костюме для слуг». «Сходство орнамента русских панагий обнаруживается с произведениями крымско-малоазиатской группы, тесно связанной с византийской орнаментикой. Вполне возможно сложение русских и золотоордынских орнаментов независимо друг от друга». Суровой критике Н.В. Жилина подвергает и золотоордынское происхождение «орнаментальных мотивов на основе арабской каллиграфии»: «Принявшая ислам в начале XIV в. Золотая Орда вряд ли могла усвоить и развить эту орнаментику. Скорее всего, здесь можно видеть воздействие арабского Востока через Византию, что для православных произведений гораздо более объяснимо». Исследовательница приходит к следующему выводу: «на Руси после вынужденной паузы возрождается ремесло и прикладное искусство с опорой на домогольские образцы и с самостоятельной реализацией новых художественных тенденций, известных по наиболее широко известным (так!) образцам орнаментального искусства разных стран» [Жилина, 2016. С. 239, 244], т.е. по существу повторяет труды ученых 1960–1970-х гг. Хотя в других публикациях последних лет указывается «на значительный золотоордынский импульс в художественном ремесле Западной Руси, связанный с присутствием выходцев из Золотой Орды и их ремесленных традиций» [Лавыш, 2016. С. 215], на то, что золотоордынское влияние оставило след в наименовании отдельных предметов — кафтан, шуба, сарафан, — и более всего затронуло костюм феодальной верхушки общества [Орфинская, 2016, с библиографией. С. 261], а также повлияло на сложение в орнаментальном искусстве «гибридного художественного пласта... возникшего и даже расцветшего на стыке культур» [Орлова, 2015. С. 166–167, 170].

Напомним, что золотое и серебряное дело было тесно связано со вкусами, пристрастиями и самим образом жизни древнерусской феодальной верхушки, а к 1245 г. Восточная Русь стали частью огромной Монгольской империи, в которой жила четверть всех обитателей Земли. Период максимальной зависимости Руси от центрального правительства Монгольской империи падает на 1245–1263 гг. Сюзереном всех русских земель считался Великий хан Монголии и Китая, на деле высшим правителем Руси — ее «царем», являлся хан золотоордынский, правитель Джучиева улуса. Русские князья входят в ордынскую элиту, ею считался круг лиц, получавший властные полномочия непосредственно от самого хана. «Принадлежность к знати ордынского государства четко определяло наличие внешних атрибутов: зависимому владельцу выдавался ярлык, который подтверждал ханское пожалование, выраженное

в преподнесении колчана, меча/сабли, головного убора, халата/кафтана, пояса» [Селезнев, 2017. С. 178]. Таким образом, русский князь получал в ставку и своего рода придворный костюм, в котором он должен был ехать по Орде.

Вынужденные добиваться ханских ярлыков, русские князья многократно и подолгу находились при ханских дворах, в том числе и при дворе великого хана, принимали участие в родовых собраниях предводителей, подносили богатые подарки ханшам, усваивали обычаи и придворный церемониал завоевателей, который во многих отношениях стал образцом для русского. Ярослав Всеволодович, назначенного в 1238 г. великим князем Владимирским (1238–1246), в знак высокого доверия в 1246 г. Батый отправил на великий курултай, где он стал свидетелем воцарения великого хана Гуюка. В 1245 г. в Орду ездил и Даниил Галицкий, о чем рассказывается в Галицко-Волынской летописи под 1250 г. [Ипатьевская летопись, 1998. Стб. 805–808]. А под 1252 г. там же рассказывает об облике войска этого князя, поразившем венгерского короля и послов императора Священной Римской империи: «Немьци же дивящесе оружью Татарьскомоу, беша бо кони в личинах и в коярех кожаныхъ, и людье во ярыцех...» [Ипатьевская летопись, 1998. Стб. 813–814]. Ростовские князья участвовали в экспедиции Менгу-Тимура против аланских горцев в 1277–1278 гг., московские и суздальские — в походе Тохтамыша против Тимура. Многие тысячи русских призывались в монгольскую армию регулярно, некоторые из тех, кого золотоордынские ханы использовали в Южной Руси, как, например, в походе Тохтамыша против Ногая в 1298–1299 гг., возможно, вернулись домой по окончании кампании.

С 1242 по 1445 г. при ордынском дворе побывали, как правило, по несколько раз (в среднем по 2,5 раза), вернее, достаточно долго пребывали там 108 русских князей и три княгини, некоторые князья провели при ордынском дворе по 7 и 9 лет, из великих князей дольше всего в Орде находился Иван Данилович Калита — более пяти лет. За первую половину XIV в. источники фиксируют 69 поездок в Орду, совершенных 26 князьями [Селезнев, 2017. С. 153].

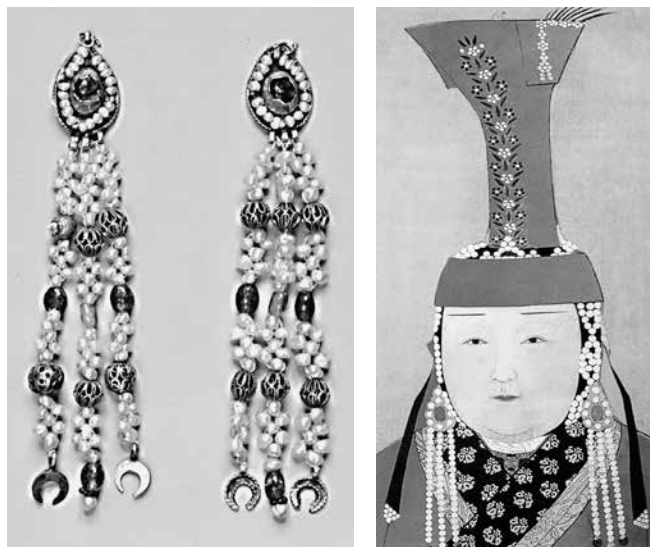
Меняются внешние формы жизни верхушки русского общества, «Русь должна была впитывать... те культурные категории, которые бы позволили ей уцелеть» [Долгов, 2017. С. 377]. Не следует забывать, что монгольская армия была самой передовой в мире, что способствовали быстрому распространению нового вооружения и доспехов, воинской походной утвари, типов пиршественных сосудов, которые и в этот период остаются главной ценностью княжеской казны [Стерлигова, 2013. С. 542]. Все эти предметы были художественно оформленными, состав служивших монголам мастеров был интернациональным, что сказывалось в формах и орнаментации их произведений. На всех территориях Орды ходили только монеты с именем правящего хана, украшенные восточными узорами, проникавшими таким образом в изделия русских мастеров.

В дипломатические дары и пожалования входили и женские украшения. Уже во второй половине XIII в. среди археологических находок в завоеванной монголами Волжской Булгарии встречаются статусные древнерусские драгоценности, не только серебряные бармы [Макарова, 1986. С. 109, 110, № 299–307],

но также золотые и серебряные женские височные украшения. Исследователи связывают их появление в Булгаре с приездами в Ставку Батыя русских князей. Таким же образом попадали в Русские земли ордынские украшения. И хотя известно только о шести браках русских князей со знатными ордынками, украшения могли входить в ханские дары великим княгиням. В этот период меняются художественные особенности и типология древнерусских ряс — драгоценных подвесок к венцу, восходящих к византийским перпендулиям и хорошо известных по земляным находкам домонгольского периода. Позднесредневековые жемчужные рясы, сохранившиеся среди «приклада» к почитаемым богородичным иконам, по своему устройству и используемым материалам вполне определенно указывают на образцы, появившиеся на Руси в золотоордынский период [Стерлигова, 2018. С. 222]. На Руси, как и в других землях, завоеванных Джучидами, произошла «достаточно быстрая смена ведущих элементов элитной моды» [Руденко, 2016. С. 345]. В эту эпоху в Золотой Орде распространилась пришедшая из Китая мода на статусные серьги и подвески, обильно украшенные жемчугом, считается, что они восходят к символически значимым украшениям китайских императриц. Ношение серег и подвесок к головному убору ханшами династии Юань (1271–1368) отражено в миниатюрах китайских художников того времени. Небольшие золотые рясы, аналогичные изображенным на этих миниатюрах, несколько столетий украшали иконы-пядницы домового Благовещенского храма московских князей и царей [Стерлигова, 2018]. Все эти рясы являлись прикладом к моленным богородичным иконам московской княжеской семьи, перенесенным в храм из теремов, и первоначально служили статусными подвесками к венцу княгинь.

Художественная культура самих завоевателей была ниже древнерусской, однако в их империю входили многие высокоразвитые страны. Торговые караваны и передвижение войск способствовали культурному обмену, через Сарай — место транзитной торговли и крупный ремесленный центр — русская знать получала восточные украшения, китайский жемчуг. Русские земли включились в товарооборот всего евразийского пространства. Ордынские, а не византийские образцы этой эпохи повлияли на формы и декор русских великокняжеских и царских венцов, никогда не имевших священных изображений. Поэтому оценивать торевтику ордынского периода лишь с позиций истории культуры русского этноса или русославянской протонации было бы неверным, мы неизбежно вернемся к устаревшим мнениям об автохтонности национальной культуры.

Для искусства торевтики золотоордынский период стал действительно переломным. Уходят сложные и дорогостоящие художественные технологии, неразрывно связанные с самими основами эстетики византийского мира: высоко рельефная лицевая чеканка, перегородчатая эмаль. Почти на столетие прекратилось производство скани. Золото как основной материал, за редкими исключениями, было уже не доступно торевтам, оно использовалось только для золочения или насечки по стали. Подбор самоцветных камней становится достаточно скромным, распространяются их различные имитации, в украшениях

ил.1 Рясы, украшавшие икону Богородицы из Благовещенского собора в Московском Кремле. Золото, серебро, жемчуг, стекло. XIV в. (?) Музеи Московского Кремля, инв. № МР-2643/1-2

fig.1 The tassels decorating the icon of Our Lady of the Annunciation Cathedral in the Moscow Kremlin. Gold, silver, glass, pearls. 14th century (?). Moscow Kremlin Museums, inv. № МР-2643/1-2

ил.2 Монгольская императрица династии Юань. Миниатюра китайского художника XIV в. Национальный дворец-музей Тайпей, Тайвань [Воспр. по: Kunst- und Ausstellungshalle Bonn (ed.), Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen (exhibition cat.). München, 2005].

fig.2 Mongol Empress of the Yuan Dynasty. Miniature of the 14th century Chinese artist. National Palace Museum Taipei, Taiwan [Reproduced from: Claudius Müller (ed.), Kunst- und Ausstellungshalle (Bonn). Dschingis Khan und seine Erben: Das Weltreich der Mongolen (exhibition cat.). München, Hirmer, 2005].

большее применение, чем в домонгольской Руси, находит жемчуг, что было связано с монгольским и китайским влиянием. Менее металлоемкие техники — скань и тиснение по серебру, известные на Руси с дохристианских времен, — теперь занимают в серебряном деле едва ли не главное место. Священные изображения, как правило, выполняются в технике контурной резьбы, и теснее, чем в домонгольский период, связаны с искусством живописи. Говорить о сохранении каких-либо древних ремесленных традиций в художественной обработке драгоценных металлов со второй половины XIII до конца XIV в. вряд ли возможно, преобладают произведения некавалифицированных мастеров, работавших вне мастерских. Выдающиеся в художественном и технологическом отношении памятники торевтики со священными изображениями (складень мастера Лукиана, потир, заказанный новгородским архиепископом Моисеем) единичны. Однако ордынский период несомненно имеет самостоятельное значение в истории древнерусской торевтики. При всей малочисленности сохранившихся предметов, можно утверждать, что именно тогда закладываются основы позднесредневекового «узорочья». Не случайно среди

понятий, заимствованных в эту эпоху из монгольского и тюркского языков или других языков через тюркский встречаются названия металлов и драгоценных камней, ювелирных техник (басма) и форм сосудов (достакан).

Золотоордынские мотивы присутствуют и в декорациях христианских святынь — золотых окладах Владимирской иконы Богородицы, и в литургической утвари (створчатых панагиях) XIV–XV вв., соседствуют со священными изображениями и не воспринимаются как чужие. Способы закрепления камней, приемы филигрны, типы женских украшений на самых значимых произведениях великокняжеских мастеров — золотоордынские, а национальная принадлежность этих мастеров решающего значения не имеет. Историки предполагают, что «некоторым русским мастерам, работавшим с драгоценностями в Сараях (а, возможно, и в Ургенче), удалось вернуться на Русь в середине четырнадцатого века; когда позже Тимур разрушил и Сарай, и Ургенч, великий князь московский, судя по всему, пригласил к себе нескольких мастеров хорезмской школы, которым посчастливилось пережить эту катастрофу» [Вернадский, 1998. С. 347]. Усиление восточного влияния в разных областях древнерусского искусства связывают с «Великой замятней» в Золотой Орде и ее разгромом Тамерланом в 1395 г., вызвавших отток мастеров на Русь [Орлова, 2015. С. 166]. Наследием монгольской эпохи, вопреки мнению выдающихся исследователей древнерусского серебряного дела М.М. Постниковой и Т.В. Николаевой, стал ряд типов пиршественных сосудов, традиционно воспринимаемых как сугубо национальные. Мы убеждены, что правильнее говорить не о влияниях, а об особенностях развития культуры в золотоордынский период истории России.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л.А. Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. №2 (16). С. 18–33.
- Баталов А.Л. «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // Российская археология. 1918. №3. С. 153–163.
- Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Москва: АГРАФ, 1997. 480 с.
- Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках. Пути политического развития. М.: Наука, 2016. 192 с.
- Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси: Миры повседневности XI–XIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 592 с.
- Жилина Н.В. Русская филигрань до и после монголо-татарского нашествия // Русь в XIII веке: Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов; Ин-т археологии. М.: Наука, 2003. С. 278–289.
- Жилина Н.В. Русские и ордынцы: культурное восприятие и неприятие // Stratum plus 2016. №5. С. 223–250.
- Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан, 2016. 968 с.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т.2. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Крамаровский М.Г. Восток и Запад в истории и культуре Золотой Орды: По материалам чингисидской торевтики XIII–XV вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002. 62 с.
- Лавыш К.А. Подражания золотоордынским изделиям из кости в Западной Руси // Stratum plus 2016. №5. С. 215–219.
- Макарова Т.М. Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.
- Орлова М.А. О группе произведений древнерусского серебряного дела конца XIV — начала XV века (к проблеме генезиса стили орнамента) // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции / Отв. ред. Л.И. Лифшиц. СПб.: Дмитрий Буланин. 1997. С. 148–170.

- Орлова М. А. К изучению фронтисписов «Онежской псалтири» 1395 года (ГИМ. Муз. 4040) // Образ христианского храма: Сб. ст. по древнерусскому искусству к 60-летию А. Л. Баталова / Сост. Л. А. Беляев, Вл. В. Седов. М.: Арткитчен, 2015. С. 150–170.
- Орфинская О. В. Размышления на тему влияния Золотой Орды на одежду Руси // *Stratum plus*. 2016. № 5. С. 251–268.
- От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 568 с.
- Ремпель Л. И. Андрей Рублёв и проблемы искусства средневековья // Андрей Рублёв и его эпоха. Сб. ст. / Под ред. М. В. Алпатов. М.: Искусство, 1971. С. 245–249.
- Руденко К. А. Центры изготовления и пути распространения ювелирных изделий в XIII–XVI вв. в Предуралье и Зауралье // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской науч. конф. с междунар. участием 25–29 октября, 2016 г. Ижевск, 2016. 422 с.
- Селезнев Ю. Русские князья при дворе ханов Золотой Орды. М.: Ломоносовъ, 2017. 272 с.
- Стерлигова И. С. Чарка Казанского царя // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию М. Г. Крамаровского. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 530–546.
- Стерлигова И. А. Новгородский след в истории древнерусских золотых ряс // Нескончаемое лето: Сб. ст. к юбилею Е. А. Рыбиной. М.: Великий Новгород, 2018. С. 219–223.
- Усманов М. А. Поздравления с юбилеем // От Онона к Темзе: Чингисиды и их западные соседи. К 70-летию М. Г. Крамаровского. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 10–11.
- Якобсон А. Л. Художественные связи Московской Руси с Закавказьем и Ближним Востоком в XVI в. // Древности Московского Кремля / Отв. ред. Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович. М.: Наука, 1971 (Материалы и исследования по археологии СССР. № 167; Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. IV). С. 230–252.

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской торевтики

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Стерлигова Ирина Анатольевна — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник, Музеи Московского Кремля, Кремль, Москва, Российская Федерация, 103132; старший научный сотрудник, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, Москва, Российская Федерация, 125009. irinasterligova@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Время вхождения Руси в Джучиев улус Монгольской империи связано с существенными изменениями в древнерусской торевтике, его нельзя оценивать лишь как «вынужденную паузу». Золотое и серебряное дело было тесно связано со вкусами и образом жизни древнерусской феодальной верхушки, русские князья подолгу находились при ханских дворах, усваивали обычаи и придворный церемониал завоевателей, поэтому облик драгоценностей быстро меняется. Уходят сложные и дорогостоящие художественные технологии, воспринятые Русью от Византии, распространяются новые формы и орнаменты, восходящие к бытующим в Золотой Орде образцам. Эти изменения были бы невозможными без овладения новыми приемами золотого и серебряного дела при помощи самих носителей новой технологии. При всей малочисленности сохранившихся предметов можно утверждать, что именно в ту эпоху закладываются основы русского позднесредневекового «узорочья». Поэтому оценивать торевтику ордынского периода лишь с позиций истории культуры русского этноса (или русославянской протонации) неверно, мы неизбежно вернемся к устаревшим мнениям об автохтонности национальной культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Древнерусская торевтика «монгольского» периода, проблемы изучения, типы статусных украшений, золотоордынские образцы и мастера.

И. А. Стерлигова

К изучению «монгольского» периода в истории древнерусской торевтики

TITLE

Studying the “Mongolian” Period in the History of Old Russian Toreutics

AUTHOR

Sterligova, Irina Anatolevna — Ph. D., leading researcher, Moscow Kremlin Museums, Kremlin, 103132 Moscow, Russian Federation; senior researcher, State Institute for Art Studies, Kozitsky pereulok, 5, 125009 Moscow, Russian Federation. irinasterligova@mail.ru

ABSTRACT

The time of Russia’s annexation by the Ulus of Jochi of the Mongolian Empire is associated with significant changes in Old Russian toreutics and cannot be assessed only as a “forced pause”. The gold and silver business was closely connected with the tastes and way of life of the old Russian feudal elite; Russian princes spent long periods at the khan’s courtyards, assimilated the customs and court ceremonial of the conquerors. Therefore the appearance of the jewels quickly changed. Complicated and expensive artistic technologies, adopted by Rus from Byzantium, give way to new forms and ornaments, going back to the patterns found in the Golden Horde. These changes would not have been possible without mastering the new techniques of gold and silver with the help of the masters themselves. Although few objects have survived, it can be argued that it was in that era that the foundations of the Russian late medieval “patterns” were laid. Therefore, it is wrong to evaluate toreutics of the Horde period only from the standpoint of the history of culture of the Russian ethnos (or the Russian Slavonic proto-nation), which only leads to outdated opinions about the indigenoussness of the national culture.

KEYWORDS

Old Russian toreutics of the “Mongolian” period, problems of study, types of status jewelry, Golden Horde models and masters.

REFERENCES

- Beliaev L. A. The Islamic East and the Formation of the Material Culture of Moscow Rus’: on the Methodological Approaches to the Assessment. *Povolzhskaja arheologija (The Volga River Region Archaeology)*, 2016, № 2 (16), pp. 18–33 (in Russian).
- Batalov A. L. “Arabic Flower”: on the Question of the Genesis of Decorative Motifs in Moscow Architecture of the 14th–15th Centuries. *Rossiiskaia arheologija (Russian Archaeology)*, 1918, № 3, pp. 153–163.
- Vernadskii G. V. *Mongoly i Rus’ (Mongols and Russia)*. Moscow, AGRAP Publ., 1997, 480 p.
- Gorskii A. A. *Russkie zemli v XIII–XIV vekakh. Puti politicheskogo razvitiia (Russian Lands in the 13th–14th Centuries. Ways of political development)*. Moscow, Nauka Publ., 2016, 192 p.
- Dolgov V. V. *Byt i nravy Drevnei Rusi: Miry povsednevnosti XI–XIII vv. (Life and Customs of Ancient Rus’: Everyday Life Worlds of the 11th–13th Centuries)*. Saint Petersburg, Izdatel’stvo Olega Abyshko Publ., 2017, 592 p.
- Jakobson A. L. Artistic Connections between Moscovia, Transcaucasia and the Middle East in the 16th Century. *Drevnosti Moskovskogo Kremlija. Materialy i issledovanija po arheologii SSSR. Materialy i issledovanija po arheologii Moskvy (The Antiquities of the Moscow Kremlin. Materials and Research on the Archeology of the USSR. Materials and Research on the Archeology of Moscow)*, vol. 4, № 167. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 30–252.
- Khakimov R., Favero M. (eds.). *Zolotaia Orda v mirovoi istorii. Kollektivnaia monografija (The Golden Horde in World History. Collective Monograph)*. Kazan’, Institut istorii imeni Sh. Mardzhani Akademii Nauk Respubliki Tatarstan Publ., 2016, 968 p.
- Kramarovskii M. G. *Vostok i Zapad v istorii i kul’ture Zolotoi Ordy: Po materialam chingisidskoi toreviki XIII–XV vv. Avtoreferat dis. d-ra ist. nauk (East and West in the History and Culture of the Golden Horde According to the Materials of Chinggisid Toreutics of the 13th–15th Centuries)*. Author’s Abstract of the Dissertation). Saint Petersburg, 2002, 62 p.
- Lavysh K. A. Podrazhaniia zolotoordynskim izdeliiam iz kosti v Zapadnoi Rusi (Imitations of the Golden Horde Ivory in Western Russia). *Stratum plus*, 2016, № 5, pp. 215–219.
- Makarova T. M. *Chernevoe delo Drevnei Rusi (Niello Technique in Old Russia)*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 156 p.

- Orlova M.A. On the Group of Russian Silversmith Artworks of late 14th – early 15th Century (on the Problem of the Genesis of the Ornamental Style). *Drevnerusskoe iskusstvo. Issledovaniia i atributsii (Old Russian Art. Studies and Attributions)*. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ. 1997, pp.148–170.
- Orlova M.A. To the Study of Frontispieces of the Onega Psalter of 1395 (State Historical Museum, Mus. 4040). *Obraz khristianskogo khrama: Sbornik statei po drevnerusskomu iskusstvu k 60-letiiu A.L. Batalova (Image of a Christian Church: Collection of Articles on Old Russian Art to the 60th Anniversary of A.L. Batalov)*. Moscow, Artkitchen Publ., 2015, pp.150–170.
- Orfinskaja O.V. Reflections on the Influence of the Golden Horde on the Clothes of Russia. *Stratum plus*, 2016, № 5, pp.251–268.
- Stepanenko V.P., Jurchenko A.G. (eds.). *Ot Onona k Temze: Chingisidy i ih zapadnye sosedi. K 70-letiju Marka Grigor'evicha Kramarovskogo (From the River Onon to the Thames: Chingizids and their Western Neighbors. To the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky)*. Moscow, Izdatel'skij dom Mardzhani Publ., 2013, 568 p.
- Rempel' L.I. Andrej Rublev and the Problems of Medieval Art. *Andrej Rublev i ego jepoha. Sbornik statej (Andrej Rublev and his Time: Collection of Articles)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1971, pp.245–249.
- Rudenko K.A. Centers for the Manufacture and Distribution of Jewelry in the 13th–16th Centuries in the Urals and Trans-Urals. *Arheologicheskoe nasledie Urala: ot pervyh otkrytij k fundamental'nomu nauchnomu znaniyu (XX Ural'skoe arheologicheskoe soveshhanie): Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 25–29 oktjabrja, 2016 g. (Archaeological Heritage of the Urals: from the First Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Conference): Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation on October 25–29, 2016)*. Izhevsk, 2016. 422 p.
- Seleznev Ju. *Russkie knjaz'ja pri dvore hanov Zolotoj Ordy (Russian Princes at the Court of the Khans of the Golden Horde)*. Moscow, Lomonosov Publ., 2017. 272 p.
- Sterligova I.S. The Cup of the Kazan Tsar. *Ot Onona k Temze: Chingisidy i ih zapadnye sosedi. K 70-letiju Marka Grigor'evicha Kramarovskogo (From the River Onon to the Thames: Chingizids and their Western Neighbors. To the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky)*. Moscow, Izdatel'skij dom Mardzhani Publ., 2013, pp.530–546.
- Sterligova I.A. Novgorod Trace in the History of Old Russian Gold Robes. *Neskonchaemoe leto: Sbornik statej k jubileju E. A. Rybinoj (Endless Summer: Collection of Articles for the Anniversary of E. A. Rybina)*. Moscow, Velikij Novgorod, 2018, pp.219–223.
- Usmanov M.A. Anniversary Greetings. *Ot Onona k Temze: Chingisidy i ih zapadnye sosedi. K 70-letiju Marka Grigor'evicha Kramarovskogo (From the River Onon to the Thames: Chingizids and their Western Neighbors. To the 70th Anniversary of Mark Grigorievich Kramarovsky)*. Moscow, Izdatel'skij dom Mardzhani Publ., 2013, pp.10–11.
- Zhilina N.V. *Russian Filigree before and after the Mongol-Tatar Invasion. Rus' v XIII veke: Drevnosti temnogo vremeni (Rus in the 13th Century. Antiquities of the Dark Age)*. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp.278–289.
- Zhilina N.V. Russians and Horde: Cultural Perception and Rejection. *Stratum plus*, 2016, № 5, pp.223–250.

Спасо-Преображенский собор Твери XIII–XIV веков: опыт объемной реконструкции

© 2019

УДК 27.523(470.331-25)“12/13”

ББК 85.113(2)

Б43

Поступила в редакцию 12.03.2019

...люблю вспоминать, что писал мой отец:

«При наблюдении происшествий в природе надобно остерегаться того, чтобы в процессе наблюдения, пускай наивнимательнейшего, наш рассудок, этот болтливый, вперед забегающий драгоман, не подсказал объяснения, незаметно начинающего влиять на самый ход наблюдения и искажающего его: так на истину ложится тень инструмента».

Владимир Набоков. «Дар»

В статье речь пойдет о трехмерной схематической реконструкции городского собора Твери в его первый период существования. Основой станут археологические материалы и архитектурные аналоги. Этот текст — первая рабочая прикидка, по сути дела, — комментарий, раскрывающий ход мысли художников и основания для выбора того или иного пространственного решения, не более.

Проблема объемной реконструкции стара, как архитектурная археология, она появилась вместе с первыми раскопками древних зданий. В ней много составляющих, таких как функциональное определение на основе плана, а главное (во всяком случае, в нашей задаче) — закономерность типологических соотношений плана и объемных элементов. В свое время одному из авторов случилось написать специальную статью на эту тему, в которой демонстрировалась высокая вариативность таких реконструкций, их конвенциональный характер, граничащий с субъективностью, доходящей до волюнтаризма [Беляев, 1990. С. 49–79; повторно: Беляев, Елкина, Лазукин, 2017. С. 61–73]. Стоит ли в таких ситуациях ставить задачу на реконструкцию объема, не имея достаточных материалов для верификации результата? Ответ авторам не очевиден, но это сомнение гарантирует нас от главного для ученого греха — излишней уверенности в правильности своих выводов. Это естественная лабораторная работа и, как тако-